

АКТАНТНАЯ МОДЕЛЬ БОЖЕСТВЕННОЙ ЛЮБВИ В РОМАНЕ А. И. КУПРИНА «КОЛЕСО ВРЕМЕНИ»

О. Н. Щедринова

Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения,
Санкт-Петербург

В работе рассматривается проявление актантной модели Божественной Любви в романе А. И. Куприна «Колесо времени». Результаты исследования позволяют утверждать, что роман «Колесо времени» суммирует общий дискурс любовной темы Куприна и соотносится с фундаментальными положениями философии на данную тему.

Ключевые слова: Актантная модель, Божественная Любовь, Священное Писание, Платон, творчество, литература, философия.

Тема любви проходит через все творчество А. И. Куприна. Мастерское воссоздание картин природы, путь духовных исканий героев, неутолимое стремление самого автора приблизиться к светлой стороне действительности, движение к вере — все это превращается у Куприна в могучую проповедь истинной любви. А в рассказе «Философ» Куприн формулирует свое понимание любви как главной силы мироздания: «Есть, Богом клянусь, — есть могучая, прекрасная, великая сила для нейтрализации зла как физической субстанции. Это — горячая *любовь* к человеку, это живое, осязаемое добро, разливаемое охотно и радостно повсюду. Подвиг любви!» [5, т. 7, с. 150]

Обращаясь к извечной теме, Куприн делает отчетливое деление между любовью человеческой и Любовью Божественной. При этом он сознательно уходит от типических реалий действительности, чтобы сделать акцент на реалиях духовных. Тексты Куприна, конечно, сопряжены и с бытописанием, но при внимательном прочтении на первый план выходит другой лейтмотив его прозы — *духописание*, потому что писатель неизменно в своем творчестве обращается к описанию движения духа в человеческой судьбе, движения к Божественной Любви.

Поясняя эту мысль, необходимо подчеркнуть: исторически сложилось так, что развитие куприноведения обуславливалось общими тенденциями литературоведения, а впоследствии углублением общих представлений о логике историко-литературных процессов, природе различных творческих методов. Поэтому в 1960–70-е гг. творчество Куприна традиционно трактовалось как реалистическое, а порой даже натуралистическое. В частности, В. Н. Афанасьев отмечал, что «Куприн был последовательным реалистом» [1, с. 152]. Той же точки зрения придерживался А. А. Волков, называя Куприна «выдающимся писателем-реалистом» рубежа веков. Однако в те же годы Л. П. Трофимова начала разрабатывать тему романтических тенденций в творчестве писателя. Она подчеркивает, что «произведения, в которых в той или иной форме проявляется романтическое начало, обычно либо оставались за пределами исследования, либо их рассматривали только с реалистических позиций и, в силу этого, относили к

числу несовершенных художественных созданий» [8, с. 134]. Хорошо известно, что Куприн всю жизнь вел записи жизненных наблюдений, и у него собралось огромное количество записных книжек, которые позволяли ему быть необыкновенно точным и конкретным во всех бытовых деталях, что, однако, не свидетельствует о сугубо реалистическом методе его творчества.

В наши дни Куприн признан писателем-романтиком, и в современном литературоведении утверждается обновленный взгляд на его творчество, в котором отчетливо прочитываются устойчивые романтические ориентиры писателя. Подтверждение этой мысли находим в работах Т. А. Каймановой, которая отмечает: «Он <Куприн> любит волшебные чудесные сказки и сказочные истории. В избрании жанра и тематики как элементов стиля, в деликатности чувств находит отражение личность автора, „романтика и поэта под маской реалиста“, „странного и старинного человека, который еще верит в чудеса“. Обращение писателя к жанру сказок и легенд, обогатившему купринскую палитру, было очень естественным для его души» [3, с. 440]. Исследователь С. В. Козаногин объявляет Куприна «создателем неомифологической прозы» [4, с. 12].

И, действительно, Куприну интересен мир непознанной внутренней жизни человека. Его магнетически притягивают необычные люди и факты, события и явления. Все, что выходит за рамки привычного, становится предметом его пристального внимания. Постоянное стремление заглянуть за жизненные кулисы, под которыми скрывается желанная истина, обуславливает преданность писателя романтизму. Эта преданность — самая сокровенная личная тайна и любовь Куприна. Вечная влюбленность в романтическую огранку жизни, неистовая страсть к познанию сакральных тайн, хранимых человечеством, бесподобная чувственность в восприятии мировой красоты — это определяющее начало творческой и человеческой натуры Куприна. Он не преподносит нам готовых истин, не обращается к рациональному началу в человеке, но направляет свою мысль в самый центр человеческих эмоций и духовных переживаний, тем самым апеллируя непосредственно к человеческой душе и давая читателям возможность удостовериться в ее реальном существовании. О том, что душа существует, свидетельствуют все без исключения истории любви, рассказанные писателем.

Душа и Вера стали для Куприна центром притяжения его идейных исканий. Именно поэтому с такой болью и страданием он воспринимал, к примеру, лихие времена безверия, когда о высшей любви не могло быть и речи. воинственный атеизм, бесчинствуя по всей русской земле, заставил его написать строки, преисполненные скорбью: «Что русский человек в эпоху кровопролития отворачивается от лица Бога, мне это еще понятно. Так каторжник, прежде чем вырезать спящую семью, завешивает полотенцем икону. Но я не в силах представить себе, что чувствует и думает русский костромской мужичонка, когда перед ним попирают и валяют в грязи кроткий образ Иисуса Христа, того самого Христа, близкого и родного, которого он носит „за пазушкой“, у сердца» [5, т. 9, с. 208]. Необходимо подчеркнуть, что у Куприна постоянно присут-

ствуется мысль о том, что когда потеряно все: традиции, вековой уклад, культура, нравственные законы, духовность, — человека могут спасти только Любовь и Вера, а значит — душа. Об этом состоянии души он не перестает напоминать. Например, в рассказе «Погибшая сила» Куприн так пишет о созерцании лика Пресвятой Богородицы: «Видел я вашу картину. Созерцал, наслаждался и плакал. Потрясла она меня до самого нутра. До остолебенения. И ведь как это случилось странно. Иду я мимо собора, что греха таить, пьяненький я в ту пору был, а потому и храбрый, а на счастье, и полиции кругом не случилось. Да-с. Вошел я в собор, да так, знаете, к полу и прирос. В дрожь меня кинуло. Стоит она на высоте, точно парит в воздухе, непорочная, чистая, прекрасная, и глаза большие такие, ясные, кроткие, прямо на меня в упор смотрят, но не гневно... Нет! Смотрят печально так, жалостно. О, господи! А я-то нетрезвый, гаденький, грязный, в отрепьях, только из вертепа вырвался. Жутко мне сделалось, а глаз отвести не могу» [5, т. 3, с.452].

Творчество Куприна, позволяя заглянуть прямо в душу, пробуждает в ней сокровенные знания, таящие в себе память об иных временах и мирах, о тех мирах, где правит чистая Божественная Любовь. Неудивительно, что ту же актантную модель Любви мы видим в последнем крупном произведении Куприна — романе «Колесо времени» (Париж, 1929). Этот роман подводит своеобразный итог духовным поискам писателя, а его сюжет продолжает сквозную тему его творчества. Особенно сильно и ярко эта тема прозвучала в повестях «Гранатовый браслет», «Суламифь», «Олеся», «Поединок», рассказах «Allez», «Психея», «Погибшая сила» и мн. др. В романе «Колесо времени» Куприн, без сомнения, завершает свой долгий путь духовных исканий, утверждая найденные им истины. По его мысли, высшая Божественная Любовь — это редкий и великий дар, который так же уникален, как сингулярная точка рождения при сотворении мира. Мысль об уникальности и величии дара Любви совсем не нова в огромной парадигме произведений, созданных человечеством. Эта мысль присутствует в работах великих философов древности, текстах Священного Писания, в музыке, живописи, человеческом сознании. Подобное сопряжение идей наводит на размышление о том, что творчество Куприна тоже выполняет свою просветительскую миссию, устойчиво транслируя миру эти знания. Не случайно он с огромным интересом сопоставляет движение человеческой души, находящейся в условиях земного существования, с движением космических потоков, в которых проявлена Божественная Любовь. Другими словами, Куприн, исследуя эту актантную модель, хочет понять степень готовности человека к восприятию некой космической эманации вселенской энергии любви.

Надо особо отметить, что подобная реминисценция вечных поисков важнейших истин у Куприна осуществляется практически на бессознательном уровне, то есть на интуитивном уровне восприятия и передачи подлинного знания. Высокая степень интуитивизма Куприна позволяет ему считывать мельчайшие корпускулы в потоках коллективного бессознательного, которое содержит в себе весь аккумулированный опыт прошлого. Именно поэтому биб-

лейские темы совсем не редкость в творчестве Куприна. Они звучат в библейском сюжете, положенном в основу его повести «Суламифь», они становятся лейтмотивами в таких произведениях, как «Гранатовый браслет», «Погибшая сила», «Колесо времени» и др. Эта мысль согласуется с мнением О. Е. Наделяевой, которая пишет, например, об особенностях повести «Гранатовый браслет» следующее: «Молитва в финале с повторяющимися словами „Да святится Имя Твое“ выводит читателя на духовный уровень восприятия текста. Конечно, здесь речь идет не только о земном, бытийственном — любви молодых людей, но и о Любви как состоянии и новом образе жизни человека, который не знал Творца, но Он о себе напомнил... в повести Куприна два сюжета, которые указывают сразу и на жанровое своеобразие: рассказ о любви и молитва о любви. Второй сюжет можно увидеть только в соотношении со знакомым архетипическим сюжетом в Библии» [6, с. 74].

Исследуя природу любви, Куприн зачастую обращается к исповедальной форме повествования. Он сознательно избегает авторских описаний и внутренних философских монологов, а отдает эту возможность главному герою, ведущему откровенный разговор о сокровенном наполнении своего духовного опыта. Логично предположить, что в подобных исповедях заключен собственный сокровенный духовный опыт Куприна. На исповедальной основе построен и роман «Колесо времени». В нем разыгрывается тривиальная, на первый взгляд, история несостоявшейся любви, в которой один человек обладал сильными духовными качествами, чтобы вынести накал настоящего чувства, а другой был слаб и свернул с пути постижения истинной природы Божественной Любви. Сюжет этот не нов и многократно интерпретировался великими художниками с помощью всех видов искусства. Но у Куприна этот сюжет приобретает особые обертоны звучания. Писатель удивительно тонко, с настоящим психологическим изяществом разворачивает перед нами эту любовную историю.

Главный герой романа Михаил при первом взгляде на восхитительную незнакомку по имени Мария понял, что ждал этой встречи всю жизнь, что это его судьба и что теперь она навеки принадлежит только ему. «В груди моей вдруг задрожало предчувствие великого блаженства», — говорит он [5, т. 7, с. 19]. Михаил рассказывает Марии о том, что чувствует, как все пространство пронизывает радость, о «золотых лучах, проникающих вселенную» [там же, с. 57]. Она понимает его очень хорошо и отвечает, что «это любовь». История их отношений развивалась гладко и логично до тех самых пор, пока Михаил не начал немного скучать от этой райской бесконфликтности их взаимоотношений. Он «почувствовал, что проклятая сила привычки уничтожила» его преклонение перед Марией. Он допускает одну ошибку, за ней — другую, начинает заметно нервничать, понимая, что его душа не выдерживают той степени любовного накала, который подвластен его прекрасной Марии, что он не может следовать за ней по пути развития чувств. В тоске он восклицает: «Можно ли быть близким солнцу?» [там же, с. 23] В результате его прямая грубость, небрежность, проявленное неуважение и осознание собственной неполноцен-

ности привело к тому, что, не дожидаясь томительной агонии их отношений, Мария исчезает из его жизни внезапно и бесповоротно. И только после этой страшной потери Михаил начинает осознавать, какой дар Небес он не смог принять, какой уникальный и единственный шанс в своей жизни он упустил! Герой начинает мучительно размышлять об этом. В исповеди своему другу он говорит, будто бы подводя итог своим мыслям: «никто не мог добраться до Рафаэля, Леонардо да Винчи, Рембрандта. Наши музыкальные способности совсем не сродни гению Бетховена, Моцарта или Вагнера и не имеют с ними ни одной общей *душевной* черты. Так и любовь. Она — высочайший и самый редкий дар неведомого Бога. И неужели ты не согласен со мною, что дар любви, как и все дары человеческие, представляет собою лестницу с бесконечным числом ступенек, ведущих от влажной, темной, жирной земли вверх, к вечному небу и еще выше?» [там же, с. 31]

Куприн задается вопросом: почему человек не может преодолеть расстояние между любовью земной и любовью небесной, которую с полным правом можно назвать Божественной Любовью? Сам собою приходит ответ: человечество в своем большинстве пока еще не готово к восприятию космических энергий высокой Божественной Любви. И не об этом ли говорится в Священном Писании: «Мои мысли — не ваши мысли, ни ваши пути — пути Мои, говорит Господь. Но как небо выше земли, так пути Мои выше путей ваших, и мысли Мои выше мыслей ваших» [Ис 55: 8–9]. Очевидно, что людям недоступен промысел Божий и Его пути, но остается неизбывным желание человечества постичь Его великие истины. Также очевидно, что герой романа Михаил интуитивно чувствует это, потому что называет себя человеком «не опустившимся, но опустошенным». Это очень важное уточнение. Сосуд его души теперь пуст, он не принял в себя дар великой любви и остался с вечными терзаниями заблудшего человека, в то время как ему только и нужно было, что услышать тот таинственный и тихий зов, который был обращен к нему, как настоящая милость Небес, ибо сказано: «Послушайте Меня внимательно и вкушайте благо, и душа ваша да насладится туком. Приклоните ухо ваше и придите ко Мне: послушайте, и жива будет душа ваша, — и дам вам завет вечный, неизменные милости» [Ис 55: 2–3]. Куприн прекрасно понимает, что у земного человека ограниченное естественное представление о смысле мироздания, о Боге, о Божественной Любви. Бог по сути своей сверхъестественен, поэтому человек постичь Его пути и Его сущность до конца не способен. Человек переносит на Него свои представления, но Бог в принципе непознаваем во всей своей бесконечности и логике: «Как небо выше земли, так и пути Божьи выше наших путей». И человеческая душа оказывается неспособной внять мистическому наваждению космической любви.

Подтверждает эти мысли и учение Платона. Так, в диалоге «Федр» Платон раскрывает учение о любви как силе, окрыляющей и возвышающей человеческую душу. Для Платона сила, способная противостоять миру зла и несправедливости, — это любовь и добро (вспомним мысль Куприна из рассказа «Фи-

лософ»), но земное воплощение души сильно препятствует развитию ее прекрасных качеств. Платон утверждает, что земное воплощение закрывает многие возможности души и прерывает тонкую связь, некую серебряную нить духовно-энергетического контакта, связывающего человека и Вселенную. В диалоге «Федон» он пишет: «А разве мы уже не говорили, что, когда душа пользуется телом, исследуя что-либо с помощью зрения, слуха или какого-нибудь иного чувства, тело влечет ее к вещам, непрерывно изменяющимся, и от соприкосновения с ними душа сбивается с пути, блуждает, испытывает замешательство и теряет равновесие, точно пьяная?» [7, т. 2/1, с. 151] Именно поэтому весь смысл пребывания души в условиях земного существования устремляется к сохранению своих первоначальных качеств. Платон понимает, что только любовь, торжествующая в мире идеальном, способна к созиданию и творению / творчеству в мире материальном. А людям надлежит ждать, когда воцарится Царствие небесное на многострадальной земле и станет жизнь «яко на небеси и на земли». Категория блага, находясь на вершине символической пирамиды идей, непосредственно связывается Платоном с категорией добра. В диалоге «Государство» он пишет: «Все губительное и разрушительное — это зло, а хранительное и полезное — благо» [7, т. 3/1, с. 477]. Высшая цель существования, всеобщее стремление — это стремление к благу, которое люди воспринимают как счастье, а, по мысли Платона, это и есть любовь. Куприн же добавляет: «горячая любовь к человеку!» [5, т. 7, с. 150]

Таким образом, для Куприна также важна идея победы добра над злом, а торжество всеобщего блага в тварном и небесном мирах является для него сутью и основой его собственного мировоззрения. Вот почему в романе «Колесо времени» он с восторгом любовного упоения пишет о своей героине: «у нее был высший дар любви», ее «любовь крылата». Не обладая подобными качествами души, Михаил не проходит своего жизненного испытания, не справляется с этим жизненным уроком. Он не справляется с чистотой и высотой чувств Марии. Озабоченный бранными чувствами легкой зависти, соперничества, ревности, он теряет возможность приобщиться к высокому существованию в сферах настоящей Любви. Видимо, следуя логике Платона, качества его души потеряли первоначальные характеристики, а воплощение затмило для него отдаленные воспоминания о Божественных мирах. В этом рассуждении Платон безмерно расширяет понятие о любви, определяя ее как всеобщее мировое начало. Человек же в своей плотской оболочке достаточно слаб и несовершенен, чтобы суметь удержаться, хотя бы умозрительно, в небесных сферах Божественного бытия. Роман «Колесо времени» содержит в своей основе эту платоновскую мысль о несовершенстве человека, о невозможности воплощения и существования такой любви на Земле.

Роман «Колесо времени», как и другие произведения писателя, наполнен глубинным смыслом. Куприн мастерски создает свое личное творческое пространство, которое наполнено высокими идеями, откровениями и приобщениями к мудрости. Из него, из этого пространства, он совершает поистине беспри-

мерный трансцендентный прорыв в бесконечность истинного знания. Эти знания Куприна напрямую сопряжены с великими идеями Платона, текстами Священного Писания, идеями коллективного бессознательного. Куприн отчетливо проводит разделительную черту между миром людей и миром идей, следуя платоновской идее дуальности миров. Всеми силами своих творческих порывов он проповедует необходимость развития и восхождения человеческого духа к истинным высотам подлинности и любви, а именно — Любви Божественной. Из рассказа Куприна «Погибшая сила»: «Вообразите себе ниву, созревшую, спелую ниву, но всю истоптанную во вчерашнем сражении. Брезжит раннее утро, на востоке янтарная полоса, луна побледнела... А на ниве лужи крови, обломки оружия, трупы человечьи и лошадиные, вдали мерцают огни лагеря... И вот среди этой крови и этого ужаса медленно плывет туманная фигура Христа, с опущенной вниз головой и опечаленным ликом...» [5, т. 3, с. 452]

Куприн убежденно отстаивает единение реальностей, в которых связующим звеном являются вечные истины и вечные ценности, способные сохранить духовную и физическую жизнь на Земле. В своем постулате Куприн с особым ударением воплощает идею о неотвратимости прихода человека в своей эволюции к истокам постижения основ Божественной Любви.

Список литературы

1. *Афанасьев В. Н.* А. И. Куприн: критико-биографический очерк. М.: Худож. лит., 1972. 175 с.
2. Ветхий Завет. Книга Пророка Исаия.
3. *Кайманова Т. А.* «Золотое яблоко в чаше из сардоникса»: А. И. Куприн и фольклор // Куприн А. И. Полное собрание сочинений: в 10 т. М.: Воскресенье, 2006. Т. 4. С. 439–477.
4. *Козаногин С. В.* Художественная рецепция Ветхого Завета в русской литературе XIX — начала XX века: на материале «Книги Песни песней Соломона», «Книги Иудифи» и «Книги Судей Израилевых»: автореф. дис. ... к. филол. н.: 10.01.01. Волгоград, 2011. 26 с.
5. *Куприн А. И.* Полное собрание сочинений: в 10 т. М.: Воскресенье, 2007. Т. 3. 656 с.; Т. 7. 544 с.; Т. 9. 632 с.
6. *Наделяева О. Е.* Знаковая система русской культуры: сб. материалов. Чита: Чит. ин-т повышения квалификации работников образования, 2007. 81 с.
7. *Платон.* Сочинения: в 4 т. / под общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса; пер. с др.-греч. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та: Изд-во Олега Абышко, 2007. Т. 2, ч. 1. 626 с.; Т. 3, ч. 1. 752 с.
8. *Трофимова Л. П.* Романтические тенденции в раннем творчестве А. И. Куприна. Проблемы русского романтизма и реализма. Кемерово: Кемер. пед. ин-т, 1973. 196 с.

Об авторе

ЩЕДРИНОВА Оксана Николаевна, преподаватель факультета №12, кафедра филологических дисциплин, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения; e-mail: pronttto@yandex.ru